

ПАЗЛ

детективный триллер

ОШЕЙНИК ИЗ ЛЕСА



Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Ошейник из леса

«Автор»

2026

Карадениз М.

Ошейник из леса / М. Карадениз — «Автор», 2026

Заброшенный секретный бункер, холодный ноябрьский лес Тверской области и жуткий артефакт из прошлого, превращающий человеческую жизнь в обратный отсчет. Когда независимый технический аудитор Марина Власова соглашается на плановую проверку обычного строительного объекта, она еще не знает, что за красивым фасадом элитного эко-комплекса скрывается безжалостная корпоративная машина, стирающая неудобных людей.

Обычная экспертиза оборачивается смертельной ловушкой, где против героини выступает не просто система продажных чиновников и киллеров, а холодный расчет смертоносных технологий. Удастся ли выжить в паутине заговора, когда каждый шаг может стать последним, а спасение кроется в деталях, которые другие предпочитают не замечать? «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	6
ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ 1. МЁРТВАЯ ЗОНА	10
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ошейник из леса

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Ледяной ноябрьский дождь сечет по голым ветвям осинника, превращая опавшую листву в вязкую, холодную кашу, которая забивается под подошвы сапог и глушит любые звуки. Ночь выдалась на редкость мерзкой: сырой, непроницаемо-черной, пахнувшей прелой землей, мазутом и далеким кислым дымом торфяников.

Старший егеря Петр Тихонов шагал по лесной просеке не сбавляя шага, хотя перешагнул уже через рубеж в пятьдесят восемь лет. Этот лес был для него не просто местом работы — за тридцать лет он исходил здесь каждый овраг, каждую звериную тропу и каждый заброшенный мелиоративный колодец. Бывший военный топограф, отслуживший срочную еще в ту эпоху, когда карты чертили тушью, а ориентировались по звездам и азимутам, Тихонов обладал редким даром — врожденным чувством пространства. Он не носил с собой навигаторов с садящимися на холоде батарейками. Ему хватало памяти старых генеральных штабовских планшетов, компаса во внутреннем кармане и абсолютной тишины под собственными шагами. Он ступал мягко, всей стопой перекачиваясь с пятки на носок, обходя хрустящие сухие сучья по моховым подушкам.

На поясе егеря тяжело и привычно оттягивал ремень чехол с разделочным ножом из кованой стали, а на плече висел карабин «Вепрь-308» в брезентовом чехле, защищенном от дождя пропиткой. Тихонов не расставался с оружием никогда, особенно в последние две недели.

В тринадцатом квадрате дальнего обхода, где граница государственного лесного фонда вплотную примыкала к заброшенной санитарной зоне советского экспериментально-биологического полигона «Флора», творилось что-то неладное. На прошлой неделе он обнаружил здесь свежие следы протектора широких шин низкого давления — явно тяжелый внедорожник без номеров пытался объехать заколоченные бетонные блоки на технологической дороге. Лес не любил чужих машин. Лес хранил свои старые раны под слоем дерна и ржавого железа, и Тихонов чувствовал шкурой, как чужое, чужеродное вмешательство нарушает привычный ритм тайги.

Он перехватил ремень карабина, вытер ладонью залепленные дождем глаза и остановился у развилки старой лесовозной дороги, прислушиваясь. Ветер шумел в кронах сосен монотонно и тревожно, завывая в металлических конструкциях полуразрушенных опор ЛЭП неподалеку.

И вдруг сквозь этот гул пробился звук, от которого у старого егеря мгновенно перехватило дыхание.

Высокий, сдавленный, неестественно резкий женский крик полоснул ночную тишину со стороны заболоченной балки, заросшей черной ольхой. Крик оборвался резко, будто его оборвали на полуслове, захлопнув тяжелую дверь или ударив человека по голове.

Тихонов замер. Мышцы мгновенно подобрались, убирая возрастную расслабленность. Профессиональная армейская выучка сработала быстрее, чем испуг. Он бесшумно скинул брезентовый чехол с «Вепря», отщелкнул фиксатор магазина, досылая патрон в патронник, и поставил карабин на предохранитель, прижав палец к скобе. Налобный фонарь он даже не пытался включать — луч света в темноте выдает человека с головой. Он ориентировался на слух и на тусклые силуэты деревьев, чернеющих на фоне свинцового ночного неба.

Шел он быстро, продираясь сквозь колючий кустарник шиповника и мокрые ветки елей, которые хлестали по лицу. Земля под ногами пошла под уклон, влага в воздухе стучалась, превращаясь в густую взвесь, пахнущую хлоркой, сыростью и озоном — странным, резким запахом, который никак не мог появиться в глухом осеннем лесу естественным путем. Так пахло в старых трансформаторных будках или в закрытых советских лабораториях после включения мощных кварцевых ламп.

Еще один шорох, глухой удар металла о дерево, и тишина возобновилась. Только капли дождя барабанили по капюшону егеря.

Тихонов пригнулся, перешагнул через поваленный ствол осины и вышел на узкую, заброшенную просеку, заросшую бурьяном. Впереди, в десяти шагах, из земли выступал массивный бетонный оголовок полузасыпанного бункера. Рядом с ним темнел провал старого вольера — прямоугольная яма, обнесенная ржавой стальной сеткой-рабицей, закрепленной на массивных металлических столбах. Сверху вольер был частично прикрыт прогнившими щитами и свежим, еще не успевшим побуреть еловым лапником, словно кто-то намеренно пытался замаскировать эту пасть от случайных глаз с воздуха.

Егерь подошел вплотную, прижимая карабин к груди. Запах хлорки и человеческого пота ударил в нос с удвоенной силой, перебивая ароматы прелой листвы. Из глубины бетонного колодца доносилось слабое, прерывистое, хриплое дыхание. Кто-то внизу пытался вздохнуть полной грудью, но заходился в сухом, надсадном кашле.

Тихонов опустился на одно колено в мокрую глину. Правой рукой он снял с головы капюшон, чтобы лучше слышать каждый шорох вокруг, а левой нашарил в кармане куртки компактный армейский фонарь с зеленым светофильтром.

Он наклонился к ржавой решетке вольера, прислушиваясь к звукам изнутри. Там, в крошечной тьме подземной клетки, кто-то шевелился. Раздался глухой металлический скрежет — звук волочащейся по бетону цепи или тяжелого ошейника.

— Эй! — негромко, но властно позвал Тихонов, вкладывая в голос всю твердость человека, который здесь хозяин. — Кто здесь? Выходи. Полиция вызвана.

В ответ из темноты ямы раздался странный, механический щелчок, похожий на работу электромагнитного реле.

Егерь замер. Опыт подсказывал ему, что дикий зверь так не шумит, а бродяги или браконьеры не станут прятаться в бетонных ямах с хлоркой. Он прищелкнул кнопку фонаря, включая узкий, сфокусированный луч зеленоватого света, и направил его сквозь ячейки ржавой сетки вниз, на дно трехметрового вольера.

Луч скользнул по влажным бетонным стенам, покрытым серыми потеками плесени, выхватил из темноты кучи гнилой соломы и замер на человеческой фигуре, скорчившейся в углу.

На влажном полу в грязи лежала женщина или человек в изодранной до клочьев серой робе. Лицо было измазано сажей и землей, волосы спутаны, но самое страшное было в другом.

Широко распахнутые, безумные от ужаса человеческие глаза блестели в лучах фонаря, отражая зеленый свет, как у испуганного зверя, загнанного в угол. А на шее узника тускло, пульсирующим ритмом мигал красный светодиод, впаянный в массивный стальной ошейник индустриального типа, от которого в сыром воздухе тянуло тонким металлическим звоном.

Тихонов открыл рот, собираясь крикнуть наверх, чтобы напарник или кто-то еще из группы подстраховал его, но звук застрял в горле.

В этот же момент сзади, в абсолютной темноте ельника, раздался сухой, отчетливый хруст сырой ветки под чьим-то тяжелым ботинком.

Старый егерь сработал на рефлексах, выработанных десятилетиями тайги и службы: он резко бросил корпус вправо, одновременно разворачивая стволом карабина назад, но было поздно.

Мощная, жесткая рука в резиновой тактической перчатке с невероятной силой перехватила его подбородок снизу, задирая голову вверх и открывая незащищенную шею. Второй рукой нападающий действовал с абсолютной, отточенной безжалостностью хирурга.

Узкое, матово поблескивающее лезвие разделочного ножа вошло под левое ухо егеря и одним молниеносным, выверенным движением распорол горло до самого позвоночника, перерезав трахею и сонные артерии.

Горячая кровь фонтаном хлынула на воротник куртки и мокрый мох. Тихонов даже не успел вздохнуть — воздух со свистом вышел из разорванного горла, пальцы разжали шейку ложи «Вепря», и оружие глухо брякнулось в грязь.

Егерь рухнул лицом вперед, в ледяную жижу и опавшую листву у края бетонного оголовка. Тело еще судорожно дернулось раз-другой, сапоги заскребли по глине, а в ушах стоял глухой, нарастающий гул собственной уходящей крови.

И последнее, что он почувствовал перед тем, как сознание окончательно провалилось в ледяную абсолютную тьму — холодное, тяжелое прикосновение металла к собственной коже. Чья-то невидимая в темноте рука наклонила его голову, и на шее самого Петра Тихонова с сочным, металлическим лязгом защелкнулся второй массивный ошейник, холодный циферблат которого тут же отсчитал первую секунду обратного отсчета.

ЧАСТЬ 1. МЁРТВАЯ ЗОНА

ГЛАВА 1

Жестяная крыша строительной бытовки гулко гудела под ударами ледяного ноябрьского дождя, превратившего окрестности тверской стройплощадки в сплошное грязевое море. Внутри пахло дешевым растворимым кофе, сырой китайской пластмассой и табачным дымом, вьвшимся в стены за месяцы работы подрядчиков.

Марина Власова сидела за заваленным рулонами чертежей столом, не обращая внимания на духоту. Ей было тридцать четыре года, и за ее плечами тянулся шлейф из десятков проверенных объектов, где каждая трещина в бетоне или отклонение от арматурного каркаса становились вопросом профессиональной чести. Восемь месяцев назад она со скандалом хлопнула дверью крупного московского холдинга, отказавшись поставить свою подпись под актом приемки нового торгового центра, где несущие колонны цокольного этажа пошли волосными трещинами из-за сэкономленного цемента. Тогда ей кричали в спину, что она испортила себе карьеру на рынке, что независимых экспертов ломают через колено за пару дней. Марина лишь молча забрала трудовую книжку, сменила номер телефона и купила подержанный кроссвер, в багажнике которого всегда лежали резиновые сапоги, профессиональный лазерный дальномер и тяжелый мультитул Leatherman в потертom кожаном чехле на поясном ремне. Она привыкла доверять исключительно цифрам, проектным шифрам и физическим приборам, а не успокаивающим улыбкам застройщиков.

Напротив нее, нервно постукивая по ламинированной столешнице брендовой шариковой ручкой, сидел главный архитектор проекта «Зеленый бор» Павел Зотов. На нем был безупречный твидовый пиджак, совершенно неуместный в этой грязи, а на запястье тускло поблескивали дорогие швейцарские часы. Зотов улыбался, но улыбка эта не поднималась к глазам — уголки его губ мелко подрагивали, а взгляд то и дело скользил к окну, за которым свинцовые тучи висели над верхушками вековых елей.

— Марина Сергеевна, поймите вы, сметы закрыты еще в октябре, инвесторы из Москвы приезжают на сдачу первой очереди ровно через три недели, — голос Зотова звучал излишне мягко, с той приторной интонацией, которая всегда заставляла Марину внутренне подбираться. — К чему эти дотошные раскопки на геоподоснове? Проект «Зеленый бор» прошел все государственные экспертизы еще до того, как этот участок выкупили под эко-комплекс. Лес вокруг — это просто санитарная зона бывшей советской базы отдыха «Флора». Там кроме заброшенных беседок и сгнивших кабельных колодцев со времен перестройки ничего нет.

Марина молча развернула перед собой генеральный план благоустройства, прижав его края двумя маркерами. Ее пальцы в перчатках из тонкой кожи действовали уверенно и методично. Она протянула руку, взяла красный карандаш и обвела одну из точек на схеме, где черная пунктирная линия внешнего электроснабжения пересекала границу лесного массива.

— Павел Борисович, давайте без лирики и давления инвесторов, — ее голос прозвучал ровно, холодно и без единой нотки сомнения. — Я работаю с проектной документацией шестнадцатый год. Если на генплане указано, что кабельная линия от распределительной подстанции идет на очистные сооружения коттеджного поселка, то сечение бронированного кабеля

должно соответствовать расчетной нагрузке. Но по вашему же кабельному журналу на сороковой странице заложен трехжильный медный кабель с сечением сто двадцать квадратных миллиметров на жилу. Такой кабель способен запитать небольшой завод или секретный правительственный бункер, а не пару фонарей на эко-тропе. И самое главное: на геодезической подоснове этой линии нет. Она уходит за периметр нашего забора в глубь неразмежеванного лесного фонда, квадрат четырнадцатый. Что там находится на самом деле?

Зотов перестал стучать ручкой. Его лицо на секунду окаменело, а в глазах мелькнуло раздражение, которое он тут же попытался прикрыть вежливой маской удивления. Он кашлянул в кулак, поправил воротник рубашки и пожал плечами.

— Мало ли что старые советские проектировщики нарисовали в восьмидесятых годах на пожелтевших кальках, Марина Сергеевна! — с напускной легкостью произнес он. — Вы же знаете этот бардак времен позднего СССР: тянули кабели с избыточным запасом, под военные нужды гражданской обороны, которые давно расформировали. Эта линия мертва уже лет тридцать. Трансформаторы на том конце давно разграблены охотниками за цветметом, изоляция прогнила от грунтовых вод. Хотите потратить время — сходите, проверьте лично, только учтите: сегодня у нас по графику приемка монолитного каркаса административного корпуса, и мне бы очень не хотелось, чтобы технадзор отсутствовал на ключевом этапе заливки бетона.

Марина не ответила на провокацию. Она аккуратно закрыла папку с документами, застегнула молнию на своей непромокаемой куртке цвета мокрого асфальта, проверила, надежно ли закреплен на поясе чехол с мультитулом, и поднялась из-за стола. Ее движения были экономными и точными.

— Каркас бетонщиков я проверю ровно в полдень, по регламенту, — бросила она через плечо, направляясь к выходу из бытовки. — А сейчас я иду посмотреть, куда ведет мертвый кабель тридцать девятого года выпуска. Не люблю, когда под земной коркой на вверенном мне объекте остаются неучтенные силовые линии под напряжением. Это прямое нарушение правил промышленной безопасности.

Зотов попытался что-то возразить, поднявшись вслед за ней, но Марина уже толкнула скрипучую дверь бытовки и шагнула в ледяную осень Тверской области.

Снаружи всю хозяйничал ноябрь. Мокрый дождь со снегом лепил в лицо, ледяные капли стекали за воротник, но Марина привыкла не замечать погодных неудобств. Она уверенно шла по раскисшей глине строительной площадки мимо остовов будущих коттеджей из клееного бруса. Строительная техника завязла в грязи по самые оси, рабочие-мигранты прятались под навесами недостроенных веранд, куря дешевые сигареты. Никто из них не обращал внимания на женщину в серой куртке, целеустремленно шагающую к дальней границе периметра, где заканчивался забор из профнастила и начинался глухой, нетронутый ельник.

Добравшись до северного угла ограждения, Марина остановилась. Здесь стройка резко обрывалась: цивилизация в виде свежeweсыпанной щебеночной дороги и ярких желтых бытовок уступала место дикому, запущенному лесу, заросшему непролазным кустарником и упавшими от старости осинами.

Она присела на корточки у основания железобетонного столба забора, где из развороченной трактором траншеи поднимался тот самый спорный кабель — толстая, бронирован-

ная черная «кишка» в свинцовой оплетке и стальной бронеленте, уходящая прямо под дерн в направлении лесного массива.

Марина расстегнула карман куртки, извлекла оттуда компактный пластиковый кейс, достала профессиональные токоизмерительные клещи с цифровым дисплеем и перевела переключатель режимов в положение измерения переменного тока в диапазоне до шестисот ампер.

Сердце стучало ровно и размеренно, отсчитывая секунды. Она разжала пружинные губки прибора, охватила ими бронированную броню кабеля, пропустив жилы сквозь магнитное кольцо, и посмотрела на жидкокристаллический экран.

Цифры на дисплее не мигали. Они горели четким, холодным зеленым светом, подтверждая худшие опасения: 14.2 А.

Линия находилась под серьезной промышленной нагрузкой прямо в эту самую минуту. Никакой мертвой советской проводки не существовало. Кто-то пользовался мощным электрическим узлом, скрытым глубоко в лесном массиве бывшей санитарной зоны, и запитывал его от строящегося загородного эко-комплекса Зотова, воруя киловатты и скрывая это от балансовых комиссий.

Марина подняла голову, выпрямилась во весь рост и отряхнула ладони от глины. Холодный ветер качнул ветви елей над ее головой, заставив осыпаться капли дождевой воды. Она проследила глазами направление кабельной траншеи, углубляющейся в бурелом, и заметила накренившийся деревянный столб линии связи, торчавший метрах в двадцати от забора. Наверху столба висела всепогодная поворотная камера видеонаблюдения в белом пластиковом корпусе, подключенная к общей охранной сети «Зеленого бора».

Но камера не смотрела на дорогу. Объектив был грубо свернут в сторону и теперь тупо упирался в слепую кирпичную стену соседнего трансформаторного шкафа. Кто-то намеренно отвел электронный глаз охраны в сторону, чтобы слепая зона охватила именно тот участок леса, куда уходил силовой кабель.

Марина сделала шаг за линию забора, ступив на мягкий, пружинящий под ногами ковер из прелой хвои и опавших листьев. Оглянувшись на всякий случай назад — не наблюдает ли кто из окон бытовки, — она опустила взгляд под ноги.

Прямо у входа в лесную полосу, на переплетении толстых сосновых корней, торчавших из земли подобно сухим пальцам утопленника, белел небольшой клочок плотной серой шерстяной ткани, зацепившийся за острые сучья дикого шиповника. Марина приблизилась, присела на корточки и аккуратно подцепила находку кончиками пальцев.

Ткань оказалась пропитана насквозь свежей, еще не успевшей полностью окислиться и побуреть человеческой кровью. На влажной поверхности сукна отчетливо выделялись темные, почти черные мазки, пахнувшие железом, сыростью и той самой необъяснимой, тревожной смертью, от которой у Марины по спине пробежали холодные мурашки.

ГЛАВА 2

Холодный осенний ветер швырнул в лицо горсть ледяных брызг, сорвавшихся с лап старых елей. Марина глубоко вдохнула сырой, пропитанный прелой листвой и мазутом воздух, застегнула воротник куртки до самого подбородка и уверенно шагнула за условную линию забора.

В детстве отец, работавший начальником смены на крупной районной высоковольтной подстанции, брал ее с собой на обходы распределительных устройств еще до рассвета. Он учил ее главному правилу инженера и человека: в экстремальной ситуации паника убивает быстрее любого тока, а страх — это всего лишь избыток адреналина, который нужно направить в работу рук. Отец часто повторял, указывая на массивные шкафы трансформаторов: «Марина, железо не врет. Врет человек, который его монтировал или пытался скрыть свою ошибку». На левом предплечье Марины под плотной тканью рубашки до сих пор скрывался узкий, гладкий белый шрам от сильнейшего ожога — память о первой студенческой производственной практике, когда на испытательном стенде пробило изоляцию шинопровода. Тогда она не уронила инструмент, не закричала, а молча обесточила линию аварийным рубильником. С тех пор ее нервы были отлиты из того же сплава, что и детали приборов, с которыми она работала.

Она скинула с плеча лямку рюкзака, расстегнула пластиковую молнию и извлекла оттуда тяжелый анодированный фонарь с линзой лучевого фокуса. Проведя пальцем по ребристому корпусу, она щелкнула тумблером. Мощный пучок белого света прорезал серую пелену моросящего дождя, выхватывая из полумрака заброшенной просеки примятые стебли папоротника, сломанные ветки орешника и четкие следы волочения тяжелого предмета по раскисшей от воды глине.

Следы уводили всё дальше вглубь леса, туда, где рельеф местности резко понижался, переходя в заболоченную балку, заросшую черной ольхой и колючим кустарником. Грязь под ногами чавкала, затягивая подошвы ботинок с каждым шагом, но Марина двигалась размеренно, экономя силы, держа фонарь на уровне пояса, чтобы боковой засветкой вовремя заметить любые изменения в ландшафте.

Метрах в трехстах от периметра стройплощадки следы привели ее к краю глубокого оврага. На дне балки, среди черных стволов деревьев, темнело что-то чужеродное, ярко выделяющееся на фоне жухлой травы.

Марина бесшумно скользнула вниз по глинистому склону, придерживаясь рукой за стволы кустарника, и замерла в трех шагах от находки.

В грязи лежал мужчина в плотной камуфляжной куртке с обтрепанным шевроном лесничества на рукаве. Лицо его было зарыто в мокрые листья, а под головой расплывалось широкое, уже схватившееся ледяной корочкой багрово-черное пятно. Рядом с телом валялся охотничий карабин «Вепрь», чехол которого был сорван и отброшен в сторону.

Запах крови, смешанный с сыростью разлагающейся листвы и оружейной смазки, ударил в нос. Горло лесничего было перерезано одним точным, выверенным движением от уха до уха — кожа и мышцы были рассечены до самых шейных позвонков, обнажая белую кость.

Марина не отшатнулась, не закричала и не закрыла рот рукой. Ее пульс участился, адреналин привычно подстегнул работу мозга, но руки работали с абсолютной, механической точностью. Она перехватила фонарь левой рукой, а правой мгновенно извлекла из кармана смартфон, активируя камеру.

Нужно было зафиксировать координаты GPS, сделать снимки места преступления с четырех точек и вызывать экстренные службы до того, как дождь окончательно уничтожит следы обуви на глине. Она сделала первый кадр — вспышка выхватила из темноты неестественно закинутую голову убитого.

Сделав шаг ближе, чтобы снять крупным планом рукоять ножа или следы протектора у его сапог, Марина наклонилась над телом.

И в этот момент ее пальцы нащупали на шее мертвеца то, от чего ее дыхание оборвалось на полувдохе.

Поверх высокого воротника камуфляжной куртки, плотно охватывая гортань убитого егеря, был защелкнут тяжелый металлический блокиратор без дужки. Марина узнала эту деталь мгновенно, без секундного сомнения — это был стандартный магнитно-механический замок безопасности типа МЗ-4, промышленное устройство высокой прочности, которое применялось исключительно на тяжелых распределительных подстанциях напряжением десять киловольт для блокировки приводных валов масляных выключателей. Такие замки не продавались в строительных магазинах; их закупали энергосбытовые компании и режимные объекты.

Холодный пот мгновенно выступил у нее на лбу, сменив жар адреналина.

В этот самый момент в десяти метрах за ее спиной, в гуще непроходимого ельника, раздался сухой, отчетливый металлический щелчок — кто-то тяжело и уверенно взвел затвор нарезного оружия.

ГЛАВА 3

Металлический шелчок затвора в сырой тишине осеннего леса прозвучал громче оружейного выстрела. Марина не раздумывала ни доли секунды. Годы тренировок по бегу по пересеченной местности и промышленному альпинизму, где любое неверное движение на высоте грозило срывом, превратили реакцию в безусловный рефлекс. Ее тело сжалось пружиной и рухнуло вперед, в холодную грязь оврага, прямоком за массивный, заросший мхом ствол упавшей вековой ели.

Она прижалась грудью к мокрой земле, вжав голову в плечи, выставив локти вперед для амортизации и затаив дыхание. Секунды тянулись бесконечно, наполненные шумом крови в висках и монотонным стуком капель дождя по хвое. Выстрела не последовало. Вместо него раздался быстрый, сухой шорох удаляющихся шагов по мокрой хвое — невидимый преследователь не стал тратить патрон, отступая вглубь непроходимого ельника с невероятной, звериной скоростью.

Марина лежала неподвижно еще минуты две, вслушиваясь в каждый звук леса, пока гул в ушах не утих. Осторожно приподнявшись на локтях, она перехватила из кармана лазерный дальномер и оглядела склоны оврага. Пусто. Только качались сырые ветки ольхи. Она поднялась на ноги, отряхнула колени от глины и прикусила губу: оставлять место преступления до прихода полиции было нельзя, но оставаться здесь одной, в прицеле неизвестного стрелка — безумие.

Помощь пришла через двадцать минут, когда по лесной просеке со стороны стройки заунывно заскрежетали тормоза тяжелого служебного УАЗа.

К месту убийства прибыла следственно-оперативная группа из Твери во главе с майором полиции Игорем Ковалевым. Ковалев, дородный мужчина сорока лет с обветренным лицом и въевшейся привычкой хмурить брови, появился в сопровождении двух ППСников и вызванного со стройки главного архитектора Павла Зотова. Зотов, кутавшийся в дорогой плащ и брезгливо морщившийся от запаха прелой земли, едва завидев Марину у тела егеря, тут же демонстративно отшатнулся.

— Какого черта вы здесь делаете, гражданка Власова?! — рявкнул Ковалев, тяжело ступая по раскисшей глине и оттирая Марину плечом от убитого. — Кто разрешил топтать следы на месте особо тяжкого преступления? Вы понимаете, что за уничтожение улики статья светит?

— Я нашла тело первой и вызвала полицию, майор, — голос Марины звучал ледяно и ровно, перекрывая шум дождя. — Тело не трогала. Но если вы собираетесь записать это в протокол как несчастный случай или разборки браконьеров, рекомендую взглянуть повнимательнее на шею погибшего.

Ковалев с раздражением сплюнул в мокрый мох и наклонился над убитым лесничим.

— И что там? Обычная резаная рана от ножа. Местные алкаши или браконьеры не поделили лес, чего тут гадать. В девяностые годы здесь каждый куст кровью был полит, и сейчас делянки.

— Посмотрите на воротник, — Марина шагнула ближе, указывая пальцем на металл. — Это промышленный магнитно-механический блокиратор типа МЗ-4. Такие замки ставят на приводы высоковольтных масляных выключателей в закрытых распределительных устройствах энергообъектов. Браконьеры не носят с собой спецзамки с подстанций, майор. Это профессиональное силовое устройство. Кто-то заблокировал ему горло перед тем, как перерезать артерии.

Ковалев нахмурился еще сильнее, но признавать правоту гражданского инженера перед лицом испуганного Зотова явно не собирался. Он выпрямился, упер руки в боки и раздраженно отмахнулся:

— Не учите меня работать, Власова! Я в Твери следственный отдел тяну с тех пор, как вы в институте чертежи карандашом малевали. Замки, провода, конспирология... Обычная бытовуха. Экспертиза разберется. Зотов, уведите вашего инспектора отсюда, она мешает фиксации следов.

Марина промолчала, сжав кулаки в карманах куртки. Спорить с майором, у которого на лице было написано желание поскорее закрыть дело и уехать в теплое отделение, было бесполезно. Она развернулась, подчиняясь требованию Ковалева, и медленно пошла наверх по склону оврага, делая вид, что отступает к служебной машине.

Но ее профессиональный взгляд цепкого инженера технадзора продолжал сканировать каждый сантиметр почвы под ногами.

Отходя от оцепления по приказу оперативника, Марина неожиданно замерла.

Под упавшим стволом старой осины, прямо у края балки, земля просела правильным прямоугольным желобом. Кабель, который привел ее сюда от стройплощадки Зотова и вдоль которого она шла последние полчаса, обрывался вовсе не здесь, у тела убитого егеря. Траншея, густо поросшая мхом и засыпанная прошлогодней листвой, тянулась дальше, в глубь глухого ельника, еще на добрых двадцать метров к массивной бетонной плитно-земляной насыпи.

Марина оглянулась: Ковалев ругался с экспертом у трупа, а Зотов спиной к ней отряхивал плащ у кромки леса. Никто из них не смотрел в ее сторону.

Она бесшумно сделала три шага в сторону насыпи, присела на корточки и резким движением сдвинула вбок толстый слой свежего елового лапника, замаскированного под естественный лесной мусор. Под хвоей обнаружился тяжелый бетонный оголовок технического люка, а в нем — уходящая вертикально вниз ржавая стальная решетка старого подземного бункера.

Марина наклонилась ближе к прутьям решетки, чтобы рассмотреть глубину шахты, и в этот момент из черной пустоты подземного колодца на нее пахнуло не сыростью, а резким, химическим запахом хлорки, озона и человеческого страха, а из самой темноты на нее уставились широко раскрытые, безумные от ужаса человеческие глаза.

ГЛАВА 4

Крик Марины, резкий и требовательный, нарушил тягостную тишину оврага быстрее, чем окрик любого полицейского.

Первым к бетонному оголовку со всех ног бросился главный архитектор Павел Зотов, тяжело задышавшись и скользя лакированными ботинками по раскисшей глине. Следом за ним, чертыхаясь и на ходу расстегивая кобуру, прибежал майор Игорь Ковалев, а за ним подтянулись двое патрульных с автоматами наперевес.

— Что там еще за спектакль, Власова?! — зло выдохнул Ковалев, отталкивая Марину плечом и заглядывая в темный провал шахты. — Вы мне всю операцию... мать вашу...

Он осекся на полуслове.

В глубине трехметровой бетонной ямы, освещенной слабым рассеянным светом серого ноябрьского неба, кто-то отчаянно забился. Узник внизу зажмурился, закричав от резкой боли в глазах, ослепленных дневным светом, и замахал руками в изодранных лохмотьях. Его голос, хриплый, сорванный до металлического визга, эхом отражался от сырых стен:

— Не подходите! Не пилите решетку! Там датчик движения! Если дернете засов или принесете болгарку, она сработает! Ошейник взорвется! Ради Бога, отойдите, она разорвет мне горло!

Один из патрульных инстинктивно отпрыгнул назад, едва не упав в кусты.

— Блядь... — побледнев, выдохнул молодой сержант. — Майор, тут растяжка? Это минирование? Саперов надо вызывать, с Твери ехать больше часа, он тут пока зубами щелкать будет, окочурится от холода.

Ковалев растерянно переводил взгляд с бьющегося внизу человека на заржавевшие петли люка. Его авторитет сыщика трещал по швам под грузом реальной угрозы, с которой он не знал, как справиться.

Марина между тем не собиралась слушать панические вопли полицейского.

В студенческие годы, когда она училась на инженерно-строительном факультете и подрабатывала лаборантом в независимой лаборатории неразрушающего контроля металлов, ей приходилось расследовать причины разрушения мостовых ферм и технологических трубопроводов. Тогда она на практике усвоила главное: любой металл и любой сварной шов имеют свой паспорт возраста, а любые системы блокировки подчиняются строгой логике электрических цепей. Профессиональный глаз Марины моментально оценил состояние конструкций: наплывы ржавчины на петлях решетки были старыми, многолетними, а сам сварной шов крепления петель относился к концу восьмидесятых годов прошлого века. Никакого промышленного минирования здесь не было и в помине.

Она решительно шагнула вперед, оттеснив растерянного Ковалева, и опустилась на колени у бетонного оголовка.

— Заткнитесь все и дайте сосредоточиться! — бросила она резким, не терпящим возражений тоном, заставив майора замолчать от неожиданности.

Марина склонилась над рамой люка, внимательно изучая тонкий провод в советской хлорвиниловой изоляции, уходивший от петель под бетонную отмостку. Времени на раздумья не было: синюющие губы и крупная дрожь несчастного в яме показывали, что у того началось переохлаждение первой стадии.

Она расстегнула молнию на рюкзаке, выбросила оттуда влажные перчатки и извлекла из бокового кармана профессиональный цифровой мультиметр в ударопрочном желтом чехле. Ловким движением пальцев перевела переключатель в режим прозвонки сопротивления, вынула из гнезд два щупа с металлическими иглами и аккуратно проткнула ими изоляцию сигнального шлейфа у самого основания петли.

На дисплее мультиметра коротко пискнул зуммер, показывая замкнутую цепь с высоким сопротивлением.

— Обычный охранный геркон старого образца, — громко и четко произнесла Марина, не обращая внимания на испуганное сопение Ковалева за спиной. — Магнитный датчик открытия двери. Никакой взрывчатки здесь нет и в помине. Провода ведут к обычной сирене или пульту охраны советского типа, который давно обесточен.

Не дожидаясь ни разрешения майора, ни одобрения побледневшего Зотова, Марина залезла в карман куртки, достала оттуда отрезок медного многожильного провода с двумя крокодилами на концах — универсальную перемычку, которую всегда носила с собой для проверки автоматики. За секунду она перемкнула контакты датчика в обход геркона, симулируя постоянное закрытое состояние цепи.

После этого она перехватила тяжелую монтажную монтировку с плоским бойком, которую прихватила со стройки, вставила ее лезвие в зазор между ржавым язычком и ответной планкой замка и резким, выверенным рывком плеча надавила вниз.

Раздался сухой, громкий скрежет старого металла. Засов, проевшийся коррозией за десятилетия, поддался с первого раза. Тяжелая стальная решетка с глухим стуком откинулась назад, открывая широкий доступ воздуха в смердящую подземную ловушку.

— Всё, цепь заблокирована, спускаюсь вниз! — бросила Марина полицейским.

Не теряя ни секунды, она перекинула ноги через бетонный край шахты и уверенно, нарабатывая движениями альпиниста, стала спускаться по вертикальным металлическим скобам вниз, в темное чрево заброшенного вольера.

В нос мгновенно ударил тяжелый, удушливый коктейль из запахов хлорной извести, сырого бетона, испарений мочи и прелой человеческой кожи.

На дне ямы, скорчившись на грязном бетонном полу, прикрывая голову руками от капель дождя, лежал мужчина лет сорока. На нем была грязная, расплзающаяся по швам роба стро-

ителя старого образца. Лицо заросло черной щетиной, а в глазах застыл безумный, затравленный ужас.

— Тише, тише, вы в безопасности, скорая уже едет, — твердо произнесла Марина, снимая с плеч свою непромокаемую куртку и набрасывая ее на трясущиеся плечи незнакомца.

Мужчина судорожно всхлипнул, заикаясь и пытаясь что-то сказать, но его челюсти стучали так громко, что слова сливались в сплошной неразборчивый бормот.

Марина присела рядом на корточки, собираясь помочь ему подняться и опереться о скобы лестницы. Ее взгляд инстинктивно опустился на шею спасенного, чтобы оценить состояние кожи под тем предметом, из-за которого он так панически боялся движения.

На шее мужчины действительно находился массивный, тяжелый стальной ошейник промышленной сборки, охватывающий горло сплошным кольцом. На боковой полированной гравировке металла, очищенной от грязи трением о куртку, четко и глубоко проступало заводское клеймо: «*ПИТОМНИК ЗВЕЗДА-4, 1989*».

Артефакт из глубокого советского прошлого, законсервированный в лесной глуши.

Но в тот момент, когда Марина оперлась правой ладонью о влажный бетонный пол ямы, чтобы встать и подать сигнал наверх полицейским, ее пальцы нащупали в углу сливной решетки пола под наносами грязи и опавших листьев твердый посторонний предмет.

Она машинально зацепила его ногтями, вытащила на свет и поднесла к глазам.

На ее ладони в тусклом свете дня лежал обломок женского акрилового ногтя с идеальным свежим покрытием бордового гелевого лака. У основания обломка четко темнела свежая, еще не полностью засохшая капля человеческой крови.

Этот предмет никак не мог оказаться на дне заброшенного с советских времен мужского вольера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.